

Вячеслав Скалацкий

Счастливый билет

Издание исправленное
и дополненное

Вячеслав Скалацкий

СЧАСТЛИВЫЙ билет

<https://litres.ru/74495072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Второе издание сборника рассказов «Счастливый билет» исправленное

и дополненное принадлежит перу известного камчатского журналиста, публициста, краеведа и писателя Вячеслава Геннадьевича Скалацкого.

Первое издание было хорошо встречено читателями и по достоинству оценено. Как в первом, так и во втором сборнике отражены все стороны нашей жизни: долг, честь, любовь, преданность, дружба, подлость, трусость, верность историческим корням и противостояние невежеству. С прекрасным чувством юмора он высмеивает глупость, чванство, высокомерие.

За первое издание книги «Счастливый билет» Вячеслав Скалацкий в 2021 году был отмечен Дипломом на Дальневосточной выставке-ярмарке в литературном конкурсе в номинации «Проза», ежегодно проводимой во Владивостоке.

Содержание

Об авторе	4
Предисловие	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВРЕМЯ МУЖЧИН	9
Дуют ветры февраля	9
Змееловы шестидесятых годов	22
Командирские часы	33
Корчма у двух якорей	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ	52
Счастливый билет	52
Всего два новогодних желания	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Вячеслав Скалацкий

Счастливым билет

Об авторе

Скалацкий Вячеслав Геннадьевич – известный камчатский журналист. В профессиональную журналистику он пришел в мае 1995 года, уволившись с военной службы в звании капитана третьего ранга. После ухода в запас работал корреспондентом газеты «Вести», главным редактором газеты «Камчатское время», затем перешел на должность главного редактора газеты «Вести», где трудится по настоящее время. В конце 80-х годов вел альтернативный военный канал на областном радио.

Вячеслав родился 23 февраля 1960 года в поселке Шаумяни Марнелского района Грузинской ССР в семье сухопутного офицера. Окончил среднюю школу с отличием и поступил в Ленинградское Нахимовское военно-морское училище. После его окончания поступил в Черноморское высшее ордена Красной Звезды военно-морское училище им. П.С. Нахимова на первый корабельный факультет. После его окончания был направлен для прохождения дальнейшей службы на Тихоокеанский флот. Служил на крейсерах «Варяг», «Севастополь» и ракетно-технической базе на Кам-

чатке. Уволился по организационно-штатным мероприятиям (по сокращению). Женат, воспитал троих детей.

Предисловие

В незапамятные времена мы ездили в автобусах, троллейбусах и трамваях по бумажным билетам, приобретаемым у кондукторов. На маленьком клочке бумаги печатался шестизначный номер. Если первые три цифры в номере совпадали с последними тремя, то билет считался счастливым. Можно было загадывать желание. Но перед тем рекомендовалось билет свернуть с маленький комочек и проглотить. Последняя традиция была спорной и соблюдалась далеко не всеми. Значительно позже об удачливых людях говорили, что в своей жизни они вытащили счастливый билет. Сравнение прижилось и даже подвинуло с пьедестала популярную поговорку «Он родился в рубашке».

«Счастливый билет» – это сборник рассказов известного камчатского журналиста Вячеслава Скалацкого. Книга состоит из четырех частей. Первая часть называется «Время мужчин», вторая – «Новогодние истории», третья – «Время года», четвертая – «Угол зрения».

Последняя часть сборника можно назвать рецензиями на фильмы, спектакли столичного, местного театров и творчество талантливых камчатских художников Виталия Шохина и Вадима Белоглазова. Но они написаны настолько глубоко, образно, одновременно лирично, что их смело можно отнести к литературным творениям в прозе. Особое место

в сборнике занимают короткие прозаичные зарисовки «Времена года». Я бы назвал их стихами в прозе. Рассказы под общим заголовком «Время мужчин» никого не могут оставить равнодушными. Правдивые, светлые, чистые они напоминают нам о наших мечтах, верности, чести и долге. Повествование словно льется из самого сердца автора. «Новогодние истории» разноплановы по своему наполнению. Есть среди них веселые, ироничные, написанные с отменным чувством юмора, есть и лиричные. Новогодние рассказы о любви можно назвать украшением всего сборника. Недаром автор вынес в название всей книги название новогоднего рассказа «Счастливый билет».

Не погрешу против истины, если скажу, что нашим читателям повезло, перед ними одна из немногих книг которую, стоит прочесть, и они не будут жалеть о потраченном времени.

Владимир Слабука, писатель-публицист.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВРЕМЯ МУЖЧИН

Дуют ветры февраля

Метель, В.А. Шохин, 2014 год, бумага, акварель

Если два часа ехать на юго-запад от Тбилиси, то обязательно попадешь в сравнительно небольшой горный поселок Шаумяни. Он назван в честь одного из двадцати шести бакинских комиссаров, армянина Степана Шаумяна. Сам поселок располагался на территории Грузии, но жили там, в основном армяне и был знаменит своим единственным врачом-гинекологом грузином, принимавшим роды в поселковой больнице и близким соседством с первой ракетной воинской частью в Закавказском военном округе, сокращенно ЗАКВО.

Утро двадцать третьего февраля 1958 года застало офицеров в парадном строю, а вечером за игрой в преферанс. Под жилье офицерским семьям был выделен огромный склад для хранения аэростатов (раньше в Шаумяни стоял аэростатный полк). Внутреннее помещение склада перегородили деревянными стенами на небольшие комнатухи. Туалет был во дворе. К нему нужно было добираться через пятидесятиметровый широкий коридор мимо наспех сколоченных комнат для офицерских семей.

В распоряжении офицеров-холостяков тоже был аэростатный склад, но с комнатами побольше, рассчитанными на шесть человек. Такой же длинный коридор своей противоположной выходу стороной упирался в массивную стену. Возле нее офицеры-холостяки соорудили пулеулавливатель и па-

лили по мишеням из пистолетов в свободное от службы время. Начальники в те времена, зачастую бывшие фронтовики, не относились к расходованию боеприпасов трепетно, как нынешние.

Поколение офицеров, ровесников моих родителей, было молодо и верило в партию, светлое коммунистическое будущее и было готово на любые жертвы ради этого. Жили трудно, но открыто. Всех ровнял длинный аэроостатный коридор с одинаковыми комнатами и примитивной мебелью: стол, две-три самодельных табуретки, деревянные настенные полки, длинная вешалка для одежды, два фанерных чемодана под солдатскими кроватями, простая посуда и один проводной приемник.

Когда отец уходил играть в преферанс к холостякам, иногда задерживаясь до утра, мама коротала время со своими подругами, женами других офицеров. Развлечений у них было мало: в клубе кружок художественной самодеятельности и танцев, там же функционировал курс кройки и шитья. Редко у кого из женщин были швейные машинки, они расценивались как предмет роскоши. Над швейными машинками склонялись, в основном роженицы. Они строчили пеленки из бязевой и фланелевой ткани, выданной их мужьям на портянки. Постоянный стук швейных игл означал, что наши отцы успевали не только защищать Родину.

Офицерская жизнь шла своим будничным чередом, но день двадцать третьего февраля 1958 года моей матери за-

помнился особенно. Она упросила отца научить ее играть в преферанс, забегая вперед, скажу, из этой затеи ничего не вышло. Чтобы развеять скуку, отец позволил ей пострелять из пистолета прямо на импровизированном стрельбище у холостяков. Перед ней на тумбочке большой горстью насыпали в тарелку патроны к пистолету «ТТ», и она впервые в жизни дырявила мишени из боевого пистолета. Стрелять ей понравилось. С тех пор она часто ходила в аэростатный импровизированный тир и пулю за пулей отправляла в черный круг мишени.

Мама рассказывала, что ей очень хотелось, чтобы у нее родился первенец-мальчик и появился на свет именно двадцать третьего февраля.

Так оно и случилось. Мне таки довелось родиться двадцать третьего февраля 1960 года. Говорили, когда меня принесли домой, отец дал мне потрогать пистолет. По грузинскому обычаю считалось, если только родившийся мальчик дотронется до оружия, он станет военным. Возможно, так оно и было, потому что с детства я мечтал стать офицером. Меня с трех лет растила казарма. Дневальный с дежурным были моими няньками (детский сад построили позже, когда мне уже минуло пять лет).

Само собой выбор моей профессии был предопределен заранее и не мог быть иной, кроме как под офицерскими погонами служить Родине, и если надо, умереть за нее. Я был уверен, что живу в самой лучшей стране и что у нас самая

лучшая в мире армия. «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, тебе любимая, родная армия, шлет наша Родина песню-привет». Эти слова из песни-контаты я знал наизусть и мне не казались они напыщенными. Мы любили армию, а точнее героический миф, сочиненный в ее честь и нам с этим мифом было уютно жить.

Через пять лет после моего рождения праздник двадцать третье февраля в военных гарнизонах отмечали с большим размахом, чем в предыдущие года. Утро начиналось с торжественного построения, выноса знамени воинской части и награждения отличившихся военнослужащих. Затем в гарнизонном клубе силами военного оркестра и художественной самодеятельности устраивали концерт. Иногда ставили какой-нибудь спектакль о гражданской войне. Хорошо запомнилась постановка спектакля «Оптимистическая трагедия». Моя мама играла в нем комиссара, которого по сценарию убивают. Игра самодеятельных актеров мне, пятилетнему мальчишке, показалась очень убедительной. Когда раздался выстрел, и мама медленно сползла на сцену с кровью на виске (разумеется, это была краска), я бросился к ней с криком: «Мою маму убили»! Отец, сидящий рядом со мной в первом ряду, не успел перехватить меня. Это сделали его сослуживцы, когда я бежал вдоль сцены к ступенькам и орал сквозь слезы: «Мама, не умирай»! Вот так в свой пятый день рождения мне суждено было стать местной знаменитостью.

Летом того же года мама выиграла первенство Закавказ-

ского военного округа по пулевой стрельбе из пистолета среди мужчин и получила вместе с первым разрядом еще и приз – редкую и дорогую по тем временам игрушку – точную копию легкового автомобиля «ЗИМ» с дистанционным тросиковым управлением. Это была моя первая, по-настоящему шикарная игрушка. Почти два года она выдерживала натиск детского настойчивого любопытства. В конце концов, оставшись без колес и с выдавленными стеклами «ЗИМ» отправился в большой картонный ящик в дальнем углу кладовки. К тому времени мы переехали в благоустроенную квартиру, и на двадцать третье февраля мама уже не палила из пистолета по несколько часов кряду. Она немного скучала по тем временам и всегда охотно рассказывала, как выиграла первый и самый дорогой для нее приз. А я втайне гордился мамой и взахлеб рассказывал друзьям о той победной стрельбе на первенство Закавказского военного округа.

Тогда же началось мое знакомство с военно-морским флотом.

Летом, наверное, это был День ВМФ, я впервые увидел офицера в черной парадной форме с вышитыми золотыми нитками погонами на плечах и такими же шевронами на рукавах. Сердце мое дрогнуло. С золотой вышивкой ярко-желтый пояс, обремененный кортиком на подвесках с военно-морской символикой, подчеркивал безупречную строгость военно-морского убранства. Белая фуражка с черным козырьком, украшенная позолоченной инкрустацией под ду-

бовые ветки, добила мое неокрепшее воображение.

Этот капитан-лейтенант появился в нашем захолустном грузинском поселке Шаумяни, где базировалась первая ракетная абсолютно сухопутная, воинская часть, как гость с другой планеты. До ближайшего морского побережья Черного моря было около двухсот пятидесяти километров. Разумеется, военный моряк попал к нам не случайно, страна пожинала плоды резкого сокращения Вооруженных Сил СССР, в том числе и Военно-морского Флота. Тогда всю резали новые военные корабли. Списанных с них офицеров отправляли служить в ракетные части для укомплектования кадрами, имеющими высшее техническое образование.

На двенадцатом году жизни мне ненадолго посчастливилось встретиться с морем, не проездом, не из окна поезда, а лицом к лицу, почувствовать его запах, окунуться в набегающую волну и втягивать воронками зрачков ускользающий в вечерних сумерках горизонт. Море переполняло меня, выплескиваясь мечтами о беззаветной службе ему, рождало желание быть рядом, любить и восхищаться непрерывной, переменчивой игрой света и красок. Стихия умела завораживать. Стоило возникнуть на горизонте какому-нибудь большому военному кораблю – и дело сделано. В 1972 году, на морской глади в районе Ливадии появился, как по волшебству, корабль под названием ракетный крейсер «Грозный». Это был знак – моя судьба закачалась на морских волнах.

23 февраля 1973 года, День Советской Армии и Воен-

но-Морского флота застал нашу семью на западной Украине в воинской части (ракетной бригаде), где служил мой отец. Праздник отмечали как обычно. Утром солдаты и офицеры строились в парадное каре на огромном плацу. С трибуны произносили приветственные речи секретарь районного комитета Коммунистической партии, командир части, председатель женсовета и ударницы крупных предприятий города Кременца, а также представители подшефного колхоза в селе Белокриница. Личный состав ракетной бригады проходил перед трибуной торжественным маршем, затем гостям начинали демонстрировать солдатский быт: водили в столовую, кормили солдатской кашей, показывали казармы. Вечером все шли в клуб на концерт. Клуб располагался в помещении бывшего польского костела. На месте нашей воинской части до сентября 1939 года стоял польский драгунский полк. Тогда Кременецкий район (Тернопольская область) входил в состав Польши.

Концертная программа на 23 февраля состояла, как правило, из трех частей. Сначала на сцену выходили представители командования воинской части. Они награждали почетными грамотами, медалями отличников боевой и политической подготовки, вручали памятные подарки, а затем уступали место ведущим торжественного вечера. Женский и мужской хор исполнили кантату (торжественное песнопение) в честь Коммунистической партии Советского Союза. Помню даже начальные слова: «Партии – слава, от всего на-

рода – слава...». После «Партии – слава» мужской хор исполнял кантату в честь В.И. Ленина «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, в горе, надежде и радости. Ленин в твоей судьбе, в каждом счастливом дне...». От ленинской тематики песен переходили к военной: «В боях добытая, кровью омытая, слава русская подвигом озарена...». Когда заканчивались длинные и торжественные песнопения во славу КПСС, Ленина и Советской Армии начиналась третья часть торжественного концерта – самая интересная.

Моя мама, как и многие другие жены офицеров, пела в хоре. Особенной популярностью в начале и середине 70-х годов пользовалась песня «Алеша» (музыка Эдуарда Колмановского, слова Константина Ваншенкина): «Белеет ли в поле пороша. Иль гулкие ливни шумят, стоит над горою Алеша – в Болгарии русский солдат». После выступал детский хор и пел песню Сергея Никитина «Песню о маленьком трубаче»: «Кругом война, а этот маленький – над ним смеялись все врачи: Куда такой годится маленький, ну, разве только в трубачи?». Когда сверстники доходили до слов: «И встал трубач в дыму и пламени, к губам трубу свою прижал. И за трубой весь полк израненный запел «Интернационал». И полк пошел за трубачом, обыкновенным трубачом», у меня к горлу подкатывал комок. Я присутствовал на концертах, в основном в качестве зрителя из-за неумения петь и не очень хорошего музыкального слуха.

Репертуар торжественных концертов, разумеется, менял-

ся. Бессменными оставались только кантаты и марш «Прощание славянки», исполняемый на всех торжественных музыкальных мероприятиях. «Славянку» обычно исполняли на бис три раза. Без нее не обходились строевые смотры, парады, демонстрации и показательные выступления всех военных оркестров.

В тот год порядок выступлений решили немного изменить. Подшефная русская (одна на весь район) школа решила поздравить своих военных шефов пафосным речитативом во славу Советской Армии и ВМФ. Пионерская дружина имени Юрия Гагарина прибыла в назначенное время в клуб. Мне, как знаменосцу дружины, в сопровождении двух ассистентов необходимо было торжественным строевым шагом пройти через весь зал на сцену. В белой рубашке, красной пилотке, красном галстуке и красной перевязи, с красным знаменем в руках я с волнением печатал шаг по кафельному полу клуба. Оркестр играл «Встречный марш». Присутствующие гости, солдаты и офицеры поднялись со своих мест и стоя приветствовали нашу знаменную группу. Никогда больше путь до сцены мне не казался таким длинным. После окончания поздравления, пионервожатая звонко крикнула: «Для выноса знамени – смирно!». Путь обратно показался мне немного короче. В конце пути я не рассчитал высоту проема дверей на выходе и наконецником древка воткнулся в дверной косяк. Мою неловкость, как мне представлялось, заметили все. Больше всего я боялся услышать смех в зале.

Оркестр к тому времени перестал играть и звук удара металла о дверной косяк отчетливо разнесся под сводами бывшего костела. Мне было стыдно за свою неуклюжесть, и я едва сдерживал слезы от досады. Зал доброжелательно промолчал. На меня лишь негромко шипели мои ассистентки, маршировавшие рядом. Мне хотелось провалиться от стыда, я краснел и потел от волнения. В гардероб, куда мы отправились за верхней одеждой, я зашел окончательно разбитый досадой. Словно почувствовав неладное за нами следом зашел командир воинской части. Посмотрев на меня, точнее на то жалкое зрелище, что я собой представлял, он молча снял со своего парадного кителя латунный знак, который выдавался офицерам, сдавшим экзамены на военного специалиста первого класса, и вручил мне со словами: «Держи, владей! Ты сделал все хорошо. С праздником тебя!». После чего крепко пожал мою руку. Знак представлял собой усеченный опрокинутый треугольник похожий на расправленные крылья с изображением танка и ракеты внутри, щит с цифрой один и с красной эмалевой звездочкой наверху. У звездочки, если внимательно присмотреться, был отколот кусочек эмали на верхнем луче. По окончании торжественного концерта, посвященного 56-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, грянул марш «Прощание славянки». Я, стоя на пороге клуба и сжимая в руке латунный знак, глотал всем сердцем грустные и тревожные звуки вечной мелодии.

К сожалению, этот подарок не сохранился.

В пятнадцать лет я поступил в Ленинградское Нахимовское военно-морское училище. После его окончания распределился в Севастополь в Высшее военно-морское училище имени Павла Степановича Нахимова. Еще через пять лет, надел погоны офицера.

Благодаря дате моего рождения, на службе меня не назначали на вахты и дежурства двадцать третьего февраля. Марш «Прощание славянки» вместе с праздником 23 февраля перекочевал из детства в мою взрослую жизнь. Самое популярное в России музыкальное произведение написанное Василием Агапкиным в тысяча девятьсот двенадцатом году, долгое время находилось под запретом после Октябрьской революции. Ведь под него уходили «белые» воевать с «красными». Это обстоятельство долго саднило мою память. Словно кого-то из близких очень обидели, а я не смог заступиться. Советские мифы рассеивались. Правда влекла и обескураживала одновременно. Появлялись новые, прежде оболганные герои, которых мы считали врагами. Надломилось почти все, на что мы опирались и во что верили. Из клуба в военном городке, рядом с селом Белокриница, снова сделали церковь, превратив бывший католический собор в храм автокефальной украинской церкви.

Мало осталось праздников на плаву в этом водовороте событий при смене идеологических ориентиров. Праздник двадцать третье февраля удержался.

Через много лет на торговых развалах значков, знаков и медалей, возле Исторического музея в Москве я увидел знак военного специалиста первого класса с отколотой красной эмалью на верхнем луче звезды. Продавец никак не мог взять в толк, почему я так долго стою и, улыбаясь, смотрю на тот знак. В конце концов, он предложил купить его. Что-то меня остановило от приобретения. Может быть, тот, едва сдерживающий слезы тринадцатилетний подросток, получивший свою награду из рук офицера в бывшем польском костеле? Он отнесся ко мне как к товарищу по оружию. Кто я был тому полковнику командиру ракетной бригады, лишь незначительной частицей его военной судьбы? Вместе со значком он подарил мне ощущение причастности к миру настоящих мужчин. Когда продавец стал заметно нервничать, я засобирался уходить. На душе было спокойно и радостно, словно моя ладонь вновь почувствовала крепкое рукопожатие того полковника.

С годами закаливание души чаще всего проходит через ее очерствение. Но всегда для нее найдется что-то близкое, родное, размягчающее, как заблудившаяся улыбка из моей юности, как щемящие звуки «Прощания Славянки».

Змееловы шестидесятых годов

Все мальчишки в военном городке, затерявшемся на западных склонах Кавказского хребта, знали его как дядю Колю. Мои родители говорили, что он переживает в звании капитана уже три года. Поэтому за глаза, взрослое население воинской части называло его «вечный капитан». Местечко, где служил мой отец, со всех сторон было окружено горами и только в одном месте горные хребты словно раздвинулись, образовав проход шириной примерно на одну четверть от каменной окружности. Когда население тех мест глазами упиралось в самые далекие и заснеженные хребты, вода головой по кругу, то всегда словно проваливалась взглядом в треугольник дальнего, бесконечного неба. Мы словно жили на дне большой тарелки, у которой на всю глубину была отколота одна четвертая часть обода.

Дядя Коля был популярен не только среди пацанят, но и у местного населения. Он был змееловом. Для того, чтобы поймать ядовитую змею, нужно было обладать смелостью, отменным самообладанием, ловкостью, а самое главное любить риск. Там где мы жили, все вокруг кишело ядовитыми змеями. Самой опасной среди них была гюрза. Змея достигала до двух с половиной метров длины, имела

темно-коричневый, переходящий в светло зеленый на

брюхе окрас, перечеркнутой черной симметрично изломанной линией и быстрее иных змей перемещалась по траве и камням. Эти змеи были коварны, умны, охотились за добычей парами, на махание палкой или ветками и крики не реагировали. Яд гюрзы убивал за считанные часы. Из-за столь сильного яда эта змея очень высоко ценилась в Тбилисском серпентарии. По сравнению с гюрзой гадюка выглядела как хлопок новогодней хлопушки с выстрелом из орудия. Поэтому каждый мальчишка знал, встретишь гадюку – напугай ее: брось камнем, возьми любую длинную палку и старайся интенсивно размахивать ей, создавая больше шума, но если встретишь гюрзу – беги изо всех сил, возможно, тебе повезет.

К счастью для нас, гюрза встречалась значительно реже, чем гадюка. Последняя, вызывала отвращение из-за своего ядовито-зеленого вперемешку с серым окраса, короткого, но словно смазанного жиром блестящего тела, злого нрава и постоянного шипения перед нападением. Ее приплюснутая широкая голова в мгновение превращалась в широко открытую пасть, когда она нападала. Эта змея оставляла гадкое, омерзительное ощущение, от того, наверное, и получила свое название гадюка. Ее яд в основном был не смертелен. Место укуса сильно опухало, начинался озноб, поднималась температура, учащалось дыхание, иногда наступал частичный паралич мышц. Вовремя введенная сыворотка и вовсе сводила на нет последствия после укуса гадюки. Не знаю, бы-

ла ли в то время изобретена сыворотка после укуса гюрзы? Наверное, нет, иначе люди так сильно не боялись бы ее.

«Вечный капитан» ходил на охоту всегда в высоких офицерских сапогах. Он брал с собой две длинных, крепких палки из кизилового дерева, небольшую аптечку, плащ-палатку свернутую и закрепленную ремнями за спиной, огромный нож на ремне и большой из плотной резины, как мне казалось, особенный мешок. Однажды дядя Коля вернулся с охоты на змей с перебинтованной кистью левой руки. Оказалось, во время охоты на гюрзу та укусила его за большой палец левой руки. Змеелов моментально отрезал себе палец, иначе бы яд успел поразить весь организм. В тот день гюрза вышла победителем.

После этого случая у нас целых две недели не было другой темы для обсуждений. Дядя Коля навсегда стал для нас героем. Мы мальчишки от мала до велика были потрясены его поступком. Нас смущало лишь одно, зачем он так рисковал? Если бы делал это ради Родины, тогда все было бы понятно. Нашим папам и мамам тоже было не понятно, зачем он играет со смертью, ради денег? Да, за змей хорошо платили, но не достаточно для того, чтобы каждую неделю играть со смертью в карточную игру «верю – не верю». Жены у «вечного капитана» не было. Куда он девал свои змеиные деньги, было загадкой для жен его сослуживцев. Может, копил на машину? Впрочем, люди не склонны слишком долго ломать себе головы над разгадыванием психологических ребусов. Объяс-

нения непривычного поведения у кого бы то ни было должны быть просты: либо человек не совсем в себе, либо странный. Дядя Коля к тому же, не пил, не курил, не пропадал по вечерам в офицерской бильярдной, и не был замечен за игрой в карты. Более того, он не был членом КПСС, сторонился любого веселья, был нелюдим, близко к себе никого не подпускал. К нему, правда, никто и не лез. Офицеры над ним подтрунивали, но не более того. Он отвечал им рассеянной улыбкой и легким киванием головы. Иногда он любил поиграть в волейбол. Играл дядя Коля хорошо, но без азарта, холодно и расчетливо. Мог посреди матча сказать: «Все, я устал», – и уходил. Никакие уговоры при этом не помогали. Он словно чувствовал, сколько своей энергии можно отдать, чтобы не навредить самому главному своему делу – змееловству.

Неудачная охота на гюрзу превратила «вечного капитана» в живую легенду. Мы бегали за ним гурьбой. Когда он отправлялся в горы ловить ползучих ядовитых тварей, стая сорванцов, таких как я, сопровождали его на почтительном расстоянии, сколько могли. Жители ближайших армянских поселков уважали его и говорили о нем с почтением. У них считалось убить гюрзу очень трудно, но почетно. Гюрза была охотником, а люди ее добычей. Никто среди них не отважился ловить, как они говорили «дьявола».

Однажды двое местных двадцатилетних парней решили искупаться в лучах славы настоящих крутых мужиков. В го-

рах они присмотрели место, куда выползает погреться парочка ядовитых рептилий и, подкараулив, разmozжили им головы камнями. Помню их наполненные плохо скрывааемым торжеством лица, когда они тащили волоком двухметровые тела змей через весь городок. Женщины от увиденного ахали и качали головами, чем еще больше распаляли тщеславие удачливых охотников. Мы с завистью наблюдали за тем, как с восторженным оцепенением наши сверстницы застыли на месте, перестав играть в «классики» и «резинку».

Но всем этим местным парням было далеко до дяди Коли, ведь он не убивал змей из-под тишка, а ловил и побеждал в честном поединке. Как говорили на Востоке, поймать шайтана значительно сложнее, чем убить его.

После победного шествия местных «охотников» мы, несколько семи-девяти летних сорвиголов решили впечатлить публику своими победами. Особенно нам хотелось заслужить похвалу от дяди Коли. Так, что пятеро малолетних охотников старались вовсю. Наше малое змееловное сообщество прекрасно понимало, что убить, а тем более поймать пару тройку гюрз нам не удастся. Поэтому я предложил изловить несколько гадюк и предъявить, сначала дяде Коле, а затем остальным заинтересованным разновозрастным зрителям.

В качестве мешков для складирования змей мы решили использовать резиновые чехлы для химкомплектов. Наши отцы-военнослужащие хранили в квартирах так называемые

обще защитные комплекты (ОЗК). Оставалось выяснить, кто будет «загонять дичь», а кто ловить. Мнения сторон не совпали диаметрально. Аргументы летали как горящие стрелы. Каждый вспоминал свои заслуги: пойманных на шерстяную нитку скорпионов, на пластилин – тарантулов, ужей желтопузиков, сколопендр, ядовитых лягушек и другую «дичь» помельче. Бурные обсуждения едва не переросли в коллективную потасовку, и тогда кто-то предложил тянуть жребий. Мне выпало исполнять функции загонщика. Вооружившись длинной палкой и надев резиновые сапоги, мы с двумя приятелями должны были колотить палками по кустам ежевики, растущей вдоль арыка. Гадюки любили охотиться в теплых и влажных местах, где много грызунов и лягушек. Змеи, по нашему замыслу испугавшись, должны были выползти на открытое пространство, где их поджидало двое охотников восьми и девяти лет. Они смастерили себе небольшие рога-тины для того, чтобы прижать змею в основании головы, лишив ее возможности пустить в ход свое главное оружие – ядовитые зубы. Затем, удерживая голову змеи одной рукой, другой нужно было крепко схватить гадину у основания головы и затолкать в резиновый мешок. План казался почти безупречным, за исключением, как выяснилось позже, одного пункта – змей на рогатку поймать было невозможно и, разумеется, их никто так не ловил. Спросить, как это делается было не у кого, поэтому вся наша компания действовала на свой страх и риск. В назначенное время мы с приятелем

лями заняли свои позиции и по взмаху руки начали охоту. После двух десятков минут усердного стучания палками по кустам нам удалось заставить выползти из кустов трех рептилий. Правда двум особям удалось ускользнуть, а третья приняла боевую «стойку» и шипением отвечала на неловкие манипуляции палками. Наконец охотнику удалось прижать рогатиной тело змеи к земле, он попытался свободной рукой схватить ее. В тот момент гадюка извернулась и укусила его за руку в районе предплечья. Он вскрикнул от боли. Тогда в гадюку полетели камни. Мы кидали их со всего размаха с мстительным остервенением. Примерно через минуту с гадюкой было покончено, и вся наша компания бегом бросилась в санчасть. Благо она находилась недалеко, поэтому бежать пришлось недолго. Неудачливому змеелову оказали помощь, нас всех сдали родителям в прямом и переносном смысле этого слова. Начальник санчасти не поленилась и зашла домой к каждому рассказать про «игры» в змееловов.

Мамин суд был скорый, но справедливый. Получив изрядную порцию подзатыльников, по настрою матушки, я понял, что это только начало истории и приготовился к худшему. Ждать пришлось недолго. На следующий день все пять родительниц неудачливых змееловов отправились с жалобой к командиру воинской части на «вечного капитана» мол, это он своим примером сбил нас с праведного пути. Командир внимательно выслушал женщин и посоветовал лучше смотреть за своими детьми. Однако беседу с «вечным капита-

ном» провел. Полагаю, что после командирского монолога «вечный капитан» стал еще более «вечным». Затем на «ковер» были приглашены наши отцы. Вечером того же дня, офицерскими ремнями они выбивали из нас «змееловную дурь». Укушенный «змеелов» гордо ходил по военному городку, держа руку на перевязи. Он единственный, кто избежал хорошей взбучки, мало того, на него пали лучи славы. Девчонки наперебой расспрашивали его, как было дело. Мне же очень хотелось тогда оказаться на его месте.

Кроме хорошей трепки, нам запретили и близко подходить к дяде Коле. Однако вскоре родительский запрет пал под натиском неодолимой мальчишеской тяги к благородному, таинственному и опасному ремеслу. Мы снова ходили за «вечным капитаном» небольшой гурьбой. Когда он отправлялся в горы, нашу кровь снова волновало ощущение мужества и чувство опасности одновременно.

Однажды дядя Коля не выдержал и, остановившись, позвал нас к себе. Мои спутники развернулись и дали деру. Я остался стоять на месте как вкопанный. Тогда змеелов сам подошел ко мне и заговорил.

– Ну, здорово, – доброжелательно произнес он и протянул для рукопожатия руку.

– Здравствуйте, – промямлил я в ответ.

– Как тебя зовут?

– Слава.

– Значит Славеча. Хорошо-о-о, – многозначительно про-

тянул он. Кто придумал ловить гадюк, ты?

Я молча кивнул в ответ.

– Чего твои друзья убежали?

– Они Вас боятся.

– А ты, стало быть, не боишься?

– Немного боюсь.

– Как ты думаешь, зачем я ловлю змей?

– Мама говорит ради денег.

– Правильно мама твоя говорит. А ты сам-то, что думаешь?

– Думаю, нет. Вы их ловите потому, что сильнее и умнее. Вы смелый и наверное, Вам нравится побеждать змей.

– Ты думаешь, мне нравится служить и жить в этой глуши, быть вечным капитаном и ловить змей в горах?!

– Не знаю. Никто кроме вас не умеет ловить змей. Гюрзу боятся все, кроме Вас.

– Ты думаешь это все, что нужно человеку для счастья?

Мне в голову не приходил ни один вразумительный ответ, поэтому я стоял и молчал, сгорая от смущения. Слово счастье для меня семилетнего мальчика было слишком мудреным и одновременно таинственным, как и сам дядя Коля.

– Поверь, Славеча, мне не нравится ловить змей и постоянно рисковать своей жизнью.

– Зачем же Вы это делаете?

– Чтобы помочь своей матери и двум младшим сестрам. Мой отец погиб на фронте, когда мне было шесть лет. У ма-

мы на руках остался я и две младшие сестрички. Жили мы в большом городе на Волге. Мама всю жизнь работала на двух работах, чтобы мы могли выжить. Я поступил в военное училище потому, что там бесплатно кормили, одевали и платили небольшие деньги, которые я отправлял матери и сестрам. В училище мне довелось познакомиться с выходцем из здешних мест. Он рассказал о том, какие большие деньги зарабатывают змееловы. Причем никто не запрещает ловить змей и это можно делать в свободное от службы время. Он много знал про змей и рассказал, как следует их ловить. Его дядя был змееловом.

– А это правда, что змееловам нельзя пить и курить? – прервал я его рассказ своим вопросом.

– Нет, неправда. Просто когда пьешь спиртное, замедляется реакция. А курить я начал в двенадцать лет, чтобы приглушить чувство голода. Правда, в военном училище бросил.

– Разве в училище нельзя курить?

– Можно. Только я вместо табачного довольствия получал деньги и копил их для подарков матери и сестрам, поэтому бросил курить. Чтобы после училища по распределению попасть служить именно в эти места, мне нужно было окончить училище с отличием, только тогда я имел право выбирать место службы. Вот так, Славеча, мне пришлось отказаться от своей карьеры, рисковать, ловя змей, чтобы мои мать и сестры могли нормально жить. Когда-нибудь дружок придет и твое время чем-то пожертвовать ради своих близ-

ких. Я дам тебе один совет. Чтобы доказать свою смелость не обязательно ловить змей. Не рискуй понапрасну.

– Можно Вас еще спросить?

– Спрашивай.

– Почему Вы все время один и не женаты? – выпалил я, заикаясь от волнения.

– Потому, что сначала нужно выдать замуж сестер, а потом самому думать о своей свадьбе. Почему один.... Не знаю, Славеча. Так получилось. Может ты, сам объяснишь, когда подрастешь? Ну все, пока. Что-то мы заболтались, мне пора в горы и помни, когда наступит время становиться мужчиной, не пропусти его.

Дядя Коля на прощанье пожал мне руку, хлопнул по плечу, медленно повернулся и не спеша продолжил свой путь. Отойдя недалеко, он обернулся и крикнул: «Забыл попросить тебя. Не ходи больше за мной. Хорошо?».

– Ладно, – крикнул я в ответ и побрел домой.

Гадюк мы больше не ловили.

Командирские часы

Опоздываю, подумал я, проглатывая на ходу завтрак. Форменный галстук никак не хотел застегиваться и поэтому последовал в карман – потом застегну. Бросил в портфель горсть конфет, полагая, как впрочем, считает любой сладкоежка, конфеты никогда лишними не бывают. Сделав это умозаключение и, наконец, покончив со своим туалетом, вышел на улицу. Несколько капель дождя упало мне на фуражку, другие пробарабанили по погонам. «Столько бы звезд туда, а не воды», – мелькнула мысль. И рослый, с мужественным лицом (если верить моей маме) лейтенант заторопился на службу.

Все в этот день радовало меня: робкое апрельское солнце, серые подтаявшие сугробы, свежий набирающий силу весенний день. Я всегда выкраивал немного времени, чтобы полюбоваться бухтой, по которой сегодня, как яичница по сковородке, разлилось ослепительное светило. Конечно, не очень поэтическое сравнение пришло мне в голову. Впрочем, удивляться тут нечему. Когда в течение недели завтракаешь одними жареными яйцами, поневоле везде начнут мерещиться сковородки.

– Дяденька! – мальчишеский голосок прозвучал неожиданно, – дяденька, уберите ногу, а то мой кораблик не может проплыть.

Оказалось, что моя нога стоит в довольно приличном суходоходном ручье. Это открытие меня не очень порадовало, поскольку только теперь я почувствовал холод воды в своем ботинке. Но мальчишка был прав, ногу следовало убрать из ручья. Таким образом, она перестала представлять собой навигационную опасность, и кораблик понесся дальше, исчезнув в «Великом водопаде», высотой достаточной для того, чтобы бумажному безумцу исчезнуть навсегда. Я стал свидетелем отнюдь не скупых мужских слез.

– Капитан, будь выше этого. Команда погибла как герои, не издав ни звука.

В ответ раздалось шмыганье носом, которое трудно передать словами.

– Клянусь, я выплачу тебе компенсацию.

– А что это такое компенсация? – еще раз всхлипнув, спросил незадачливый капитан.

– Это значит, я сделаю тебе еще один, нет эскадру, даже армаду таких кораблей.

– А много это, армада?

– Целых семь кораблей, – быстро ответил я, сообразив, сколько можно выкроить из моей записной книжки листов и подсчитав время для их постройки.

Записная книжка стала на семь листов тоньше. Зато лицо теперь уже шестилетнего командира армады сияло всеми своими веснушками. Это было детское худенькое лицо со щелочками глаз, когда их хозяин улыбался, и с широкими

серо-зелеными живыми существами, когда мальчуган становился серьезным. Его шапка, следуя законам физики, давно должна была упасть с головы, но держалась каким-то невыносимым образом.

– Извини флибустьер, но мне пора на работу.

– На службу, – поправил меня он. – А что такое флибустьер?

– Расскажу тебе после службы, идет?

– Идет! – мы ударили по рукам.

И только когда в конце спуска я поскользнулся, и портфель понесся дальше без моей помощи, вспомнил о конфетах. Время исчезло, растворилось в спешке, выяснении причин, принятии решений – вообще в рабочем дне. Солнце, описав гигантскую дугу, коснулось финишной ленточки горизонта. Я возвращался домой, бодро напевая что-то веселое.

– Привет! – мой маленький капитан ждал недавнего кораблестроителя.

– Сэр! Лейтенант приветствует вас! – прозвучала с моей стороны ответная любезность.

– Как дела нашей армады? Враги разбиты и улепетывают? Может быть, твоя команда открыла новую землю?

– Нет, я уже не играю в кораблики.

– А где твои родители, капитан?

– Папы у меня нет, а мы с мамой живем здесь недалеко, она ненадолго отпустила меня погулять после детского сада.

ка.

– А как тебя зовут, капитан?

– Сережа.

– А меня зовут Анатолий Александрович Азаров. Сокращенно три буквы «А».

С тех пор малыш встречал меня каждый вечер. Я называл его, то капитаном, то малышом, то просто микробиком. Мы быстро сошлись с его дворовой собакой, которая увязывалась за ним всякий раз, когда он шел на встречу со мной. Завидев меня, та всегда виляла хвостом. Еще бы ей не радоваться, когда конфеты и сахар она поглощала с быстротой, приводившей меня в удивление.

Наши частые встречи с микробиком не прошли незамеченными для моих друзей и сослуживцев. Они прозвали меня «приблудный отец», а мой капитан звал меня «Привет!». Сережа ждал наших встреч. Не знаю почему, но я в свою очередь тянулся к этому мальчишке. Его живой и острый ум восхищал не только меня, но и моих знакомых. Он был как маленький взрослый, с открытой душой и ярко выраженным чувством собственного достоинства. Даже не верилось, что ему всего шесть лет. Постепенно мой капитан превратился во всеобщего любимца. Бывало, я исчезал на несколько дней, пропадая на сборах или учениях. Разумеется, я предупреждал Сережу, что не смогу с ним видаться в это время, но малыш все равно ждал меня каждый день. Об этом сообщали мои друзья и знакомые. От него я узнал, что звез-

ды похожи на кляксы, на ногах у нас ногти, значит, на руках должны быть рукти.

Никогда не думал, что настолько сильно мог привязаться к незнакомому ребенку, что этот мальчишка станет частью меня самого. Когда я слышал его «Привет» все вокруг словно становилось светлее.

Мне хотелось сделать ему какой-нибудь подарок на память. Я долго ломал себе голову и ничего не мог придумать. Хотелось, чтобы мой подарок напоминал микробику не только обо мне, но и военно-морской службе тоже. Я много рассказывал моему маленькому другу о кораблях, о море и видел, как начинали гореть его глазенки.

Ответ на вопрос «Что подарить» пришел по почте. Несколько месяцев назад офицеры нашего корабля ко дню рождения бригады ракетных крейсеров заказали на Златоустовском заводе наручные механические часы со специальной морской символикой. На циферблате был изображен крейсер и надпись «25 лет БРК ТОФ». Номер бригады не указывался из-за соображений секретности. Вот эти часы я и вручил Сереже. Правда, мне долго пришлось объяснять ему, как определять время по часам, как их заводить, переставлять стрелку на нужное время. Чтобы часы держались на его руке, я сделал несколько дополнительных дырок в ремешке. В садик и на улицу Сережа ходил без часов, мама не разрешала. Но зато когда он ложился спать, всегда надевал мой подарок.

Однажды наш корабль ушел в длительный поход. Вернувшись к родному причалу через несколько месяцев, я на знакомом пригорке не увидел своего капитана. На следующий день он тоже не пришел. Позже мои знакомые объяснили мне, что мальчик вместе с мамой уехал из Приморска жить в другой город страны. Название области где-то в центре страны, я не расслышал, будто был оглушен.

Друзья, видя мое мрачное настроение, молчали. Они умели молчать, когда нужно. Только командир корабля как-то раз сообщил, что его жена купила в магазине военторга какие-то редкие конфеты и он «урвал» немного для моего капитана. Командир еще ничего не знал об отъезде.

Время как водится, мирит нас с любыми потерями. Приятели настойчиво советовали обзавестись семьей. Их жены старались познакомить меня со своими незамужними подругами. В конце концов, я встретил свою любовь и женился. У меня родилась дочь. Ее нарекли в честь моей бабушки Ниной. Ей недавно исполнилось двенадцать лет. В свои годы она выполнила первый юношеский спортивный разряд по биатлону и плаванию. Моя дочь дружила только с мальчишками, верховодила в их компаниях. Жена часто упрекала, что я воспитываю ее как пацана. Мол, ей не хватает женственности, она резка и категорична в своих суждениях, упряма и бескомпромиссна. «Ей бы надо было родиться мальчишкой, – бурчала жена. – Цены бы ей не было». В ответ я возражал, прибегая к нехитрым, но эффективным ар-

гументам «Меня месяцами не бывает дома. Дочь воспитываешь ты. В то редкое время, когда наша семья собирается вместе мне приходится баловать ее, как делают все любящие отцы».

Жизнь в отрыве от семьи все же начала превращаться в большую проблему. Поэтому после очередного короткого и бодрого диалога с женой я начал хлопотать перед командованием о переводе меня на берег.

Через некоторое время я отправился в Севастополь к новому месту службы – преподавателем в Военно-морское училище на кафедру «Кораблевождение». Помимо чтения лекций курсантам первых трех курсов я проводил практические занятия. На одном из таких занятий я обратил внимание, что у одного из курсантов третьего курса на руке были надеты необычные командирские часы. На циферблате угадывались контуры какого-то корабля, а ниже читалась надпись «25 лет БРК ТОФ».

Откуда у него эти часы? Неужели это Сергей? А может быть это сын одного из бывших моих сослуживцев? Вопросы закружились в моей голове. На какое-то мгновение воспоминания пробились сквозь густую дымку прошлых лет, чтобы заставить мое сердце биться быстрее. С трудом сдерживая волнение, я едва дождался окончания занятий и подозвал обладателя часов. Он был худощав, выше среднего роста, обладал густым низким голосом. Подойдя ко мне, парень отчеканил:

– Товарищ капитан второго ранга, курсант Левицкий по вашему приказанию прибыл.

– Скажите, курсант Левицкий, часы, – я показал на его руку, – подарил Вам отец?

– Нет, отца своего я не помню. Он ушел от нас с мамой, когда мне было два года. Часы подарил один знакомый офицер из города Приморского. Мы с мамой там жили первые семь лет после моего рождения.

– А как звали того офицера не помнишь?

– Нет. Помню, что он угощал меня конфетами, называл капитаном, много рассказывал о кораблях, военно-морской службе, о море. Для меня он был как легенда, как посланец из другого мира, где все мужчины честные, сильные, смелые, готовые защитить всех людей, которые нуждаются в защите. Благодаря ему, я решил стать военным моряком и поступил в военно-морское училище. Эти часы я ношу как память о том офицере. Представляете им уже больше десяти лет, а они ни разу не ломались.

– Левицкий, а вы не помните хотя бы инициалы Вашего давнего знакомого. Всего три буквы...

– Вспомнил, три буквы «А»!

– А теперь скажи Сергей, на что похожи звезды?

– На кляксы... – неуверенно и протяжно ответил мой собеседник. – Так это Вы, тот самый офицер?!

– Да, Сергей, мой дорогой капитан, это я.

Мне захотелось его обнять, сказать много теплых слов.

Но, что-то останавливало, мешала какая-то внутренняя скованность. Возможно, виной тому были посторонние люди, присутствующие неподалеку. Мы стояли глядя друг на друга, испытывая еще большую неловкость от того, что молчаливая пауза неправдоподобно затянулась. Наконец, справившись с волнением, я пригласил в ближайшее воскресенье Сергея в гости.

Это был теплый, чудесный сентябрьский денек, один из тех, который осень всегда дарит в начале своего восхождения. Легкий ветерок слегка трогал еще зеленую листву на акациях, срывая с них крутящиеся как маленькие вертолеты стручки с семенами. Море теплое и ласковое было обескуражено сиротливо пустующими пляжами, а солнце лениво и неохотно плыло по небосводу, напрасно щадя уже опаленную летом траву.

Сергей пришел вовремя. Моя дочь с интересом уставилась на него. Мой маленький капитан вырос и превратился в мужественного, сильного, умного и к тому же деликатного парня. Они подружились с Ниной. Через два года Сергей окончил училище и получил назначение на Северный флот. Иногда он присылал письма полные подробного описания рассветов, закатов на море, про сопки и короткое лето. Морская служба не сделала его черствее и циничнее. Внутри он оставался романтиком. Далеко немногим удавалось сохранить в себе это свойство души. Служба на корабле сурова и почти не оставляет возможности для чувствительной вос-

торженности. Лишь очень сильным людям суждено любить море, уважать его силу и не обманываться его ласковостью. Пафосный романтик – это спичечный коробок с отсыревшими спичками. Огня от такого не дождешься, а пустые, красивые слова будут изливаться в избытке. Кажется, он добросовестно чиркает спичкой о коробок, а в итоге получается пустой звук. Сергей был не из них. Он любил море по-настоящему и был предан ему.

Моя дочь Нина зачитывалась его письмами, с нетерпением ожидая от него новых посланий. Тот маленький капитан, выросший в молодого сильного мужчину, делился тем, что ему было дорого – штормами, солеными ветрами, ледяной шугой, северным сиянием, желтыми рододендронами на южных склонах сопок и многим другим, что составляло его жизнь. Нина отвечала на его письма с восторженностью влюбленной девушки.

За три года офицерской службы он заезжал к нам в гости два раза с цветами и подарками. Второй визит пришелся на день рождения моей дочери, ей исполнилось восемнадцать лет. Сергей сделал Нине предложение стать его женой. Мы с супругой не стали препятствовать их любви. Через год у молодой пары родился сын. Его назвали в честь меня – Анатолием. Не знаю, какую профессию выберет себе мой внук. Пока он учится только ходить. Но я точно знаю, что однажды родители подарят ему на день рождения отцовские наручные часы.

С годами у меня прибавилось сентиментальности и меланхолии. Но морская стихия по-прежнему волнует мое изрядно оскудевшее воображение. Меня тянет философствовать и вспоминать картинки былого.

Маленький Анатолий не сходит с моих рук. Жду не дождусь того дня, когда смогу рассказать ему о великом морском братстве, о любви, верности однажды выбранному пути и научу его определять время по отцовским часам.

Корчма у двух якорей

Кафе называлось «Корчма у двух якорей», видимо потому, что на входе стояли два якоря. Там двадцать лет назад мне довелось познакомиться с бывалым моряком Черноморского флота. Произошло это в приморском городе N на пересечении Первой и Второй приморской улиц, недалеко от сквера с каштанами. Мужчина преклонного возраста сидел за столиком в кафе в штопаной-перештопаной тельняшке, натянутой на худощавое тело, сдвинутой на затылок старой бескозырке и поднимал стакан за военно-морской флот.

Бывший матрос пил в одиночестве и не обращал внимания на происходящее вокруг. По всему видать – завсегдатай кафе находился на особом положении у хозяев, потому что обслуживали его быстрее, чем остальных посетителей. Его выцветшие глаза задержались на мне, когда я проходил мимо столика. «Стой, моряк, – проскрипел завсегдатай. – Присядь и выпей со мной».

Мне выпало сомнительное удовольствие употреблять водочку (так говорят бывалые моряки) в тридцати пяти градусную жару с крепко подвыпившим незнакомцем, но что-то в нем было притягательное, как в старом сундуке с картой клада внутри. Для своих почтенных лет он был удивительно жилист, как пеньковый трос, с изрядным загаром, цвета потемневшей морской бляхи на ремне.

Я присел за стол и заказал что-нибудь закусить и выпить.

Молоденькая официантка быстро уставила стол неприхотливой снедью (малосольные огурцы, помидоры, тонко нарезанное сало, отварная картошка с сельдью и луком под растительным маслом, крупно нарезанный черный хлеб) и звякнула запотевшим графинчиком с водкой.

Откровенно говоря, я не собирался заказывать именно эту еду, но официантка объяснила, что мой собеседник предпочитает только такую закуску. После первого тоста за военно-морской флот без передышки последовал второй.

К третьему тосту за тех, кто в море, мы подошли, едва успев прожевать по два куска сала и проглотив по две помидорины. После чего лихой матрос коротко буркнул: «Зови меня Валера» и протянул загорелую волосатую руку. Мы поручковались и подняли стаканы за знакомство. Затем Валера спросил меня: «Куришь?» и, услышав отрицательный ответ, снова коротко уронил: «Правильно, баловство это».

Выдержав небольшую паузу, он поинтересовался, на каком корабле я служил. Мне захотелось прибавить разговору небольшой интриги, и в ответ я любопытствовал, почему старый матрос решил, что я служил в военно-морском флоте, да еще на корабле.

Его ответ несколько озадачил меня и заставил работать воображение., хотя после четвертого семидесяти пяти граммового стакана водки сделать это было нелегко. Валера пояснил, что у всех мужиков, которые нюхали море не с берега,

очень похожие глаза: «У них взгляд, как застывший клочок морской стихии. Они ходят по-другому, слушают по-другому, на женщин смотрят по-другому».

С последним я не мог не согласиться – после длительных морских походов на женщин действительно смотришь по-другому, голодным взглядом. А Валера тем временем продолжал: «Вот если бы ты не был военным моряком, ты бы не уважил меня и не стал пить со мной, а тем более угощать. Дай угадаю, ты был офицером».

Получив утвердительный ответ, мой новый приятель предложил тост за офицеров.

С хрустом закусив огурцом, бывалый матрос надвинул бескозырку на лоб и произнес: «Военные моряки – это вообще особенные люди. Вот послушай, как звучат слова – бомбрам-стенга или фок, грот, бизань или полный фордевинд, крутой бейдевинд или бакштаг, бегучий такелаж, рангоут. Это же музыка! Кого отправляют пить чай на клотике или точить якорь? Только моряков-салаг. Сухопутные даже не поймут, где подвох. Согласись, похожа на песню команда «На баке! Травить левый до жвака-галса!» или «По местам стоять, с якоря сниматься».

– Валера, но у летчиков, например, тоже есть свои приколы, – попытался возразить я.

– Какие у них приколы, в нелетную погоду не летать? Стихию нужно чувствовать. Она должна прокатываться по тебе, как волна через бак, и разбиваться о волнорез, окаты-

вая ходовую рубку облаком из брызг и пены. Вспомни, когда корабль во время шторма стремительно несется в пучину и тебе кажется, уже никогда не выкарабкается из-под гребня волны. Потом, когда он стремительно заваливается на бок и ты, стоя на ходовом мостике, видишь, что к тебе приближается поверхность кипящей вспененной воды. Ты даже не веря в Бога просишь всевышнего о помощи. С чем еще можно сравнить подобные ощущения? Тебе доводилось стоять вахту, когда от бесконечной, нудной, выматывающей качки постоянно хочется метать харч?

– Конечно, приходилось.

– Какая у тебя была специальность на корабле?

– Валера, я был ракетчиком. Стрелял большими ракетами.

– И что тебе нравилось больше всего в ракетной стрельбе?

– Конечно, нравилось попадать ракетами куда надо, как дисциплинируется и четко работает разум во время стрельбы и, пожалуй, отдаваемые команды: «По отряду боевых кораблей, главная цель в центре ордера, в залпе две ракеты...».

– Вот! Ты тоже чувствуешь эту песню, только море может придать ракетной стрельбе столько романтики. Наверняка ты хранишь свою тельняшку еще со службы?

– Да, храню.

– А почему? Разве сухопутный офицер, пусть даже он летчик, хранит фуфайку от нижнего белья? Нет. Что он будет вспоминать – безбрежные луга, леса, косогоры, овраги? Ты

хотя бы раз слышал от сухопутчика рассказ о каком-нибудь перелеске? Говорить можно только о море и восхищаться только морем. Поверь мне, летчики сколько угодно могут рассуждать о небе, но не смогут почувствовать и десятой доли той силы стихии, с которой сталкиваются моряки. Ты же не будешь спорить, есть что-то завораживающее в команде «На абордаж!» или «Свистать всех наверх!». У летунов есть единственная приличная команда «На взлет!» и все.

– Нет, не буду спорить.

– Где еще могли родиться эти выражения, звучные, как выстрел, и крепкие, как тугой морской узел?

– Только на море.

– Вот и я про то говорю, что военные моряки – это люди особенные. Ладно, засиделись мы тут с тобой. Мне пора. Спасибо за компанию. Заплати только половину, остальное за меня заплатит хозяин этой корчмы.

Мой новый приятель выпил на посошок и тяжелой походкой проследовал к выходу.

Я попросил подойти дежурного администратора. Приблизился молодой человек лет тридцати. Я расспросил у него о старом живописном матросе в штопаной тельняшке и выдавшей виды бескозырке.

Нехитрый рассказ администратора меня поразил: «Дядя Валера никогда не был военным моряком и не служил на флоте. По здоровью его не взяли в армию, для него это была трагедия. Когда-то давным-давно, в советское время кафе

«Корчма у двух якорей» называлось «Светлячок».

После 1990-го года общепитовское кафе выкупил кто-то из бывших военных-интендантов.

Здесь любили гулять офицеры, приходившие с боевой службы или уходившие на нее. Молодой дядя Валера тогда работал здесь разнорабочим и всегда помогал подвыпившим военным морякам вызвать такси, заботился, чтобы они не забыли личные вещи, с неподдельным интересом слушал их повторяющиеся пьяные рассказы про море и про службу. Многих помнил и звал по имени-отчеству, даже молодых офицеров. Если рядом с кафе появлялся военный патруль, он выводил их через черный ход или оставлял ночевать у себя в подсобке. Наверное, никто в среде военно-морских офицеров не был так популярен, как Валера. Они относились к нему, как к товарищу, и он платил им искренней признательностью и уважением.

Со временем в народе это питейное заведение стали называть «Кафе у Валеры».

Как-то раз, военные моряки, вернувшись с дальнего похода, подарили ему тельняшку и бескозырку. Бескозырка не подошла по размеру, поэтому на следующий день они принесли ему другую. Дядя Валера так сросся с этим заведением, что у военных моряков он стал чем-то вроде талисмана. Они люди суеверные и считают, чтобы все в походе прошло хорошо, накануне нужно обязательно зайти в кафе к Валере в гости. Офицеры денег на чаевые не жалели, к официант-

кам грязно не приставали, не хамили и по дурному не куражились. Когда дядя Валера уволился, хозяин кафе предложил ему бывать здесь хотя бы раз в неделю в выходной день. Его обслуживали бесплатно по первому классу и ни в чем не отказывали. В своих заказах он всегда был скромен и непрытязателен».

– У него есть семья?

– Нет, как-то не сложилось. Точнее, была жена, но ушла от него. Есть сын, но он сторонится своего отца. Ему кажется, что отец в жизни ничего не добился, а сейчас просто пьет за чужой счет. Вы знаете, дядя Валера никогда не брал чаевых, и все знали, что ему нельзя предлагать их. Это могло смертельно его обидеть.

– Что я могу сделать для него?

– Можете заказать для него песню, знаете, там есть слова «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...»

– Да, знаю, песня называется «Вечер на рейде». Тогда прошу в следующий раз, когда он придет, поставить эту песню. Только, пожалуйста, запишите, что нужно произнести перед тем – «Настоящей морской душе от собрата, с большим уважением».

– Имя ваше назвать?

– Нет, не надо, он поймет. Если увидите его сына, передайте от меня, бывшего офицера военно-морского флота, что я считаю его отца одним из лучших людей, которых мне довелось встретить. Возьмите чаевые и деньги за песню.

– Извините, но денег я не возьму. Дядя Валера меня бы не понял. Когда-то я тоже мечтал стать военным моряком, но не получилось.

– Но вы же, любите море?

– Да, конечно. Дядя Валера мне все про него рассказал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОВОГОДНИЕ ИСТОРИИ

Счастливый билет

В Севастополе от старого рынка в районе Артбухты до Высшего военно-морского училища им. Нахимова, где учился курсант второго курса Игорь Корневский, дорога занимала каких-нибудь 25 минут на троллейбусе. В один майский воскресный вечер Игорь как обычно возвращался в училище с дискотеки на «Ивушке», так называлась популярная в 70-е годы прошлого века танцплощадка в Севастополе. Зайдя в троллейбус, Игорь занял место рядом с барабаном для получения билетов. В те далекие годы для проезда в общественном транспорте нужно было бросить четыре копейки в приемник барабана и легким движением руки открутить себе билет.

Пассажиры торопливо заходили в троллейбус, отрывали билеты и рассаживались по местам. Одной из последних появилась хрупкая молоденькая девушка с русыми волосами, заплетенными в толстую косу. Ее словно случайно, как перышко ветром, занесло в троллейбус. Она держала учебник по химии для десятого класса. Ее светлый воздушный са-

рафан красиво подчеркивал нежный элегантный загар. Легкие белые босоножки, небольшую дамскую сумочку и белую нитку, наверное, искусственного жемчуга на изгибе шеи – вот, пожалуй, и все, что заметил Игорь, равнодушно скользнув глазами по молоденькой девушке. «Десятиклассница», – решил для себя курсант второго курса и равнодушно уставился в окно.

Тем временем его хрупкая попутчица оторвала себе билет, случайно выронив его из рук. Она нагнулась, чтобы его поднять, однако Игорь, демонстрируя хорошие манеры, оказался ловчее и нагнулся чуть раньше. В это время троллейбус тронулся, девушку шатнуло в сторону на секунду застывшего в полупоклоне Игоря, и они столкнулись лбами. Потирая ушибленное место, и смущенно улыбаясь, извиняясь перед девушкой, наш герой подал ей оброненный билет. Он обратил внимание на цифры – 395 395. «Вы знаете, у Вас счастливый номер», – Игорь, наконец, нашел в себе силы обратиться к незнакомке. Она, улыбаясь, ответила: «Да, действительно. Мне первый раз попадаются одинаковые три первые и три последние цифры». «Надо загадать желание, и билет съест», – решил пошутить Игорь. Его попутчица, смеясь и потирая лоб, ответила: «Мы оба в некотором роде имеем право на этот билет. Давайте я его разрежу пополам. Одна половина будет Ваша, другая – моя». Девушка быстро достала из сумочки маленькие ножницы и ловко разрежала счастливый билет пополам и протянула половинку Игорю. Тот по-

сле недолгих колебаний взял протянутый клочок бумаги и из вежливости положил себе в военный билет. «Давайте познакомимся, раз уж у нас теперь есть по половинке от одного счастливого билета. Меня зовут Игорь», – сделал первый пробный шаг навстречу все еще чуточку смущенный курсант. Девушка протянула руку и сказала: «Очень приятно, Настя». Они проговорили безумолку все двадцать минут. Игорь успел рассказать, что учится на втором курсе (хотя это и так было видно по шевронам), о том, что у него скоро начнется морская практика, и он уйдет в дальний поход на учебном крейсере. Он хотел произвести впечатление, и его бросало от, как ему казалось, смешных анекдотов до веселых морских историй, услышанных им от преподавателей. Настя улыбалась и умудрялась разбавлять повествование Игоря своими коротенькими школьными историями. Поделилась мечтой стать хорошим врачом, как ее отец. Когда объявили остановку «Кинотеатр Россия», Настя засобиралась выходить. Ей нужно было сделать пересадку на другой троллейбусный маршрут, Игорь вызвался ее проводить до остановки. Настя жила где-то в районе остановки «Летчиков-героев». Путь до троллейбусной остановки показался неуклюжему ухажеру очень длинным из-за неприличного скрипа своих военных ботинок «хромачей». Игорь смущался и от этого сильно потел, ему казалось, что он выглядит в глазах Насти смешным. Из конфузливой ситуации бравый курсант пытался выйти, прибегая к помощи еще более неудачных острот.

Дорога к остановке все более и более превращалась в мучительное преодоление своих внезапно возникших комплексов неполноценности. Если где-то и пробивались ростки первого робкого ощущения взаимной привязанности, то скрип военно-морских ботинок, по мнению Игоря, их уничтожил в зародыше. Проводив свою неожиданную попутчицу, Игорь, наконец, добрался до училища. Половинка счастливого билета осталась конфузливym воспоминанием и не более того. Но что-то теплилось в душе и останавливало от последнего шага – избавиться от клочка бумажки с числом 395. Но воспоминания уходили все дальше, их голос становился слабее и вскоре вовсе затих.

Новый, 1979-й год выдался в Севастополе дождливым. Старшина второй статьи Кореневский заступил дежурить по роте с тридцать первого декабря на первое января. Дежурившего на Новый год называли Дедом Морозом. Сия почетная миссия доставалась не по графику, а наудачу. Все курсанты роты, допущенные к несению службы дежурными по роте, за неделю до Нового года тянули жребий. Вот так Игорь Кореневский и угодил в Деда Морозы на втором курсе.

После ужина, когда до Нового года оставалось около четырех часов, «Деда Мороза» – второкурсника вызвал к себе дежурный по факультету: «Значит так... Только что звонил дежурный по училищу. Он говорит, что уже третье его дежурство звонит какая-то девушка и просит пригласить на КПП курсанта второго курса по имени Игорь. Якобы они случай-

но познакомилась, и он забыл у нее фотографию своей сестры с цифрами на обратной стороне 395. Несколько раз он отправлял к ней курсантов Игорей, подходящих под описание. Ты остался последним. Сходи на КПП, посмотри. Девушка уж очень настойчивая».

– Да никому я не оставлял фотографию своей сестры, – пробовал отнекиваться старшина второй статьи Кореневский.

– Все, хватит разговоров, – отрезал дежурный по училищу. – Сходи на КПП, там посмотришь, что к чему.

Вызовы на КПП курсантов к знакомым и не очень знакомым девушкам были в те времена обычным делом. В городском телефонном справочнике значился один номер телефона – дежурного по училищу. В конце 70-х годов мир еще жил в отсутствие сотовой связи. Да и стационарные телефоны на квартирах считались едва ли не предметом роскоши. Дежурные по факультетам имели лишь внутренние телефоны. Поэтому связь с миром за забором поддерживалась исключительно через дежурного по училищу.

Игорь шел, размышляя, как некстати подвернулся ему этот вызов на КПП. Через несколько минут заместитель начальника факультета по политической части должен был начать обход дежурно-вахтенной службы и поздравлять личный состав, которому на Новый год не повезло. Его поздравления были приятной формальностью, от которой нельзя было уклоняться. Он умел объяснять ясно, складно и долго, прибегая к замысловатым образам, кто, когда и в чем был

неправ. Старый замполит был настоящим мастером специфического морского слова. Знал на память почти всю поэзию Маяковского, умел вовремя вернуть отрывки из Пушкина «Евгений Онегин», слыл человеком неординарным, и на язык ему было лучше не попадать. К 21 часу ливень прекратился, накрапывал морозящий дождь. Игорь скорым шагом прошел через плац. В воздухе пахло морской свежестью, и сквозь унылый свет уличных фонарей едва темнели ряды стройных кипарисов и отбрасывали причудливую тень ветвистые акации. Возле училищного КПП толпились несколько человек. Дежуривший на КПП мичман долго и недоуменно слушал, пытаясь понять, кто ждал прибывшего дежурного по роте. Одно ему стало понятно, что это была девушка.

Игорь узнал Настю не сразу. «Как ты меня нашла?», – вырвалось у него. «Искала и нашла», – тихо ответила она.

– Ты сохранил свою половинку билета?

– Сохранил.

– Она тебе еще нужна?

– Думаю, да.

– Я, наверное, глупо выгляжу?

– Нет, что ты, совсем нет.

– Ты рад меня видеть?

– Да, конечно, рад.

– Ты догадался, что это я тебя искала?

– Разумеется, догадался.

Игорь соврал, но сделал это так неумело, что Настя пере-

менилась в лице, а ему самому стало неловко от своего вранья. Но он не знал, как выйти из ситуации. Настины красивые серые глаза еще продолжали улыбаться, только в них застыла плохо скрываемая печаль. Она скомкала все теплые слова, которые хотела произнести, и лишь выдохнула: «С наступающим тебя Новым годом».

– Тебя тоже.

Игорь не знал, как преодолеть возникшую неловкую паузу и попытался пошутить. Настя грустно улыбнулась и сказала

– Я пошла.

– Подожди...

– Зачем?

– Хочу вспомнить номер счастливого билета.

– Цифры легко запомнить 395, в сумме составляют семнадцать. Мне исполнилось ровно столько лет, когда мы с тобой познакомились. Тебе было на год больше.

– У тебя хорошая память, – Игорь понимал, что говорит не то, подбирает неправильные слова, неправильную интонацию. Увидев Настю, он обрадовался и смутился одновременно и теперь не знает, что с этим переплетенным чувством делать. Будь Игорь поопытнее, он бы взял Настю за руку, извинился и с жаром попросил бы о новой встрече, а не стоял истуканом, с трудом подбирая нужные слова и роняя бестолковые, пустые вроде: «Как твои дела?».

Настя легко простила Игорю бестактность, но она не чувствовала ответ на свой главный вопрос, нужна ли ему их

встреча. Их диалог оборвался, так толком и не начавшись.

– Ну, я пойду? – с убывающей надеждой остаться спросила девушка.

– Давай постоим еще немного. – Игорь опять врал. Ему уже нужно было возвращаться в подразделение, нетерпение слышалось в его голосе и мучило собственное мелкое вранье. Он чувствовал, что делает ситуацию хуже, но не понимал, как из нее выйти и оттого злился на себя. Настя все видела и понимала. Но помочь Игорю выпутаться из собственных силков ей не позволяла гордость.

– Уже пора. Пойду. Родители будут беспокоиться. До свидания. – Твердо и решительно произнесла она.

– Как тебя найти? – спохватился Игорь.

– Я же тебя нашла. Если захочешь, ты меня тоже найдешь.

Все оставшееся время до Нового года эта короткая встреча не шла у второкурсника из головы. Он достал из военного билета тонкую бумажку с цифрами 395 и вспоминал, вспоминал, вспоминал... Улыбаясь своим мыслям и сетуя на собственную неловкость. Когда часы пробили полночь, «Дед Мороз» точно знал, что будет делать в ближайшее увольнение. Он постарается совершить чудо – найти Настю. Его сердце радостно сжималось от предвкушения встречи. Игорь составил план. Ему нужно было посетить четыре средних школы в районе, где проживала Настя, и узнать, какую школу она закончила, выяснить ее домашний адрес. На плане все выглядело легко и убедительно. На поиск выпускниц школ

по имени Настя ушло несколько месяцев, вплоть до начала сдачи экзаменов в летнюю сессию. Игорю удалось лишь выяснить, что Настя безуспешно пыталась сдать экзамены после школы в Симферопольский медицинский институт. Поэтому она поступила в Севастопольское медицинское училище. Визит в училище пришлось отложить на долгие два месяца – дальнего похода.

После возвращения, теперь уже морской волк, первым делом навестил учебное медицинское учреждение. Увы, все учащиеся и большинство преподавателей находились на каникулах и в отпусках.

Затем настал каникулярный отпуск у раненого стрелой Амура молодого покорителя трех морей и одного океана.

В начале сентября в Севастополе еще лето. Правда, жара начинает спадать, море цепенеет, готовясь к октябрьским штормам. Пожухлая трава, да троллейбусы, уже не набитые битком, напоминают об окончании курортного сезона.

Игорь ждал наступления нового учебного года больше очередного каникулярного отпуска. Второй поход в медучилище тоже ничего не дал. Под описание попадали четыре Насти, которых к тому же не оказалось на месте. Выяснить, какая Настя, и какую школу она окончила, сразу не удалось. Как назло в родном военно-морском училище внезапно объявили карантин. Случилось это после того, как курсантов первого курса отправили на уборку винограда. Их, разумеется, предупреждали, что немывый виноград есть нельзя. Но

здравый смысл вместе с инстинктом самосохранения отступил перед неодолимым желанием поест. Два месяца карантина тянулись, как целая вечность.

В конце октября курсантам запретили увольнения из-за подготовки к параду, посвященному Великой Октябрьской социалистической революции. После парада к Игорю подошел его однокурсник Андрей.

– Слушай, у нас тут мероприятие будет в медучилище. У них проходит музыкальный конкурс «Золотая осень». Знакомые организаторы попросили пригласить несколько человек наших, чтобы им на конкурсе не скучно было. Пойдешь?

– Тебя мне сам Бог послал, – не раздумывая, сказал Игорь. Конечно, пойду. Учащиеся Севастопольского училища к удивлению гостей из ВВМУ им. Нахимова хорошо играли на клавишных и струнных инструментах, сносно пели и даже исполняли произведения собственного сочинения. Оказалось, в местном медицинском училище учили не только лечить, но и петь.

Когда концертная программа была в полном разгаре, Игорь отвел Андрея в сторонку и рассказал свою историю, попросив о помощи. Приятель быстро согласился, пояснив, что лучше всего обратиться к старосте группы Ирине, которая как раз вышла на сцену для исполнения романса. Игорь подошел к сцене поближе. Стройная темноволосая девушка с выразительными карими глазами запела так, что казалось, не было в зале ничего, кроме ее глубокого и страстного го-

лоса. Песня лилась, как будто из самого сердца. Игорь был поражен. Он вместе с Андреем подошел к певице из самодеятельного ансамбля. Последний его представил и пересказал уже известную историю. Ирина пообещала помочь и куда-то вышла. Через некоторое время она вернулась с небольшим исписанным листком и протянула его Игорю.

– Ваша Настя проживает вот по этому адресу. – Но сегодня ее нет. Она болеет. Когда Настя выздоровеет, что ей передать?

– Скажите, что срочно нужна вторая половинка билета. Я буду ждать ее каждую субботу возле кинотеатра «Россия» в 19 часов.

– Вы и вправду храните вторую половинку счастливого билета? – вопрос Ирины прозвучал с неподдельным интересом.

– Да, вот он, – покопавшись в военном билете, Игорь достал аккуратно отрезанную половину билета с цифрами 395.

– Вы не боитесь, что Настя уже не придает столь серьезного значения этой истории, как ранее?

– Уверен, для нее это важно так же, как и для меня. Спасибо Вам, что Вы взялись мне помочь. И еще спасибо за Ваше пение. Мне кажется, ничего лучшего в жизни я не слышал. Где Вы так научились петь?

– Это у меня от мамы.

– Ирина, в качестве благодарности, скажите, можно Вас проводить до остановки?

– Проводите. Тем более нам по пути. Купив билет, Ирина с удовольствием слушала довольного собой и своим поступком молодого человека. Игорь был, что называется, в ударе. На душе было легко. Скорая встреча с той, которую он так долго искал, должна была состояться в ближайшую субботу. Он не заметил, как перешел с Ириной на «ты», как рассказал ей многое из того, что берег для Насти. Про свой первый шторм, мечты о море, о единственном в училище миндальном дереве, которое выбрызгивало белым цветом в феврале, словно взрыв. Увлеченный разговором курсант объяснил, как пахнет акация и как правильно глотать терпкий морской воздух, чтобы не задохнуться от переполняющих впечатлений. Душа рассказчика пела про морские закаты и рассветы, про звездное небо, накрывающие куполом открытое море.

Настя в ближайшую субботу не пришла. Она не пришла и в следующую и последующую субботы. Игорь решил съездить к ней домой. Ему открыла дверь миловидная пожилая женщина, как оказалось, мать Насти. К удивлению гостя она не удивилась его приходу.

– Вы, наверное, Игорь? – доброжелательно спросила хозяйка квартиры.

– Мне Настя рассказывала про Вас. Она говорила, что Вы обязательно придете, и оставила для Вас конверт.

– А где она сама?

– Настя улетела к отцу в Ленинград. Там будет поступать

в медицинский институт. Мы с мужем несколько лет уже находимся в разводе. Но он в Насте души не чает.

– Почему она уехала?

– Вы откройте конверт, может, там найдете ответ?

– Можно мне узнать ее новый адрес?

– Вот, пожалуйста, – и мама Насти черкнула на бумаге несколько строк.

Игорь вышел на улицу. Он пытался угадать, что находится в бумажных складках. Не став долго мучиться сомнением, наш курсант достал содержимое конверта. На его ладони лежала вторая половинка счастливого билета, Игорь сжал пальцы. Колючая досада, разочарование, обманутые надежды держал он в своем кулаке. Он не упрекал Настю. Просто рухнули все его постройки, которые он столько времени возводил бережно и осторожно. В его голове строились новые планы, как он приедет в Ленинград, позвонит в дверь ее квартиры... Она поймет, она обязательно оценит.

Новый, 1980-й год Севастополь встретил слякотью и умеренным северо-западным ветром. Игорь снова заступил дежурным по роте «Дедом Морозом». На этот раз несчастливый жребий его миновал, но он подменил на вахте своего друга. Тому позарез нужно было встретить Новый год со своей девушкой. Он собирался сделать ей предложение руки и сердца в момент, когда начнут бить куранты. Немного поиронизировав в душе над романтической блажью своего одноклассника, Игорь готовился к традиционной ново-

годней встрече замполита. Неожиданно «Деда Мороза» – теперь уже третьекурсника – вызвали к дежурному по факультету. Вызов к дежурному по факультету кроме неприятностей в такое время ничего не сулил. Но все пошло не так.

– Кореневский, там тебя вызывают на КПП. К тебе пришла какая-то девушка. Срочно просит увидеться.

Сердце Игоря екнуло. Весь огромный мир стал быстро уплывать из-под ног от счастливых предчувствий. Он бежал к КПП, не чувствуя под собой ног. Начальник КПП разрешил выйти за пределы училища на 15 минут. Двадцатилетний мечтатель вглядывался в полумрак уличных фонарей, пока не увидел знакомое лицо Ирины.

– Привет! С наступающим Новым годом! – просто и буднично сказала она.

– Здравствуй, – ошарашено промямлил в ответ наш герой.

– Тебе кажется, нужна вторая половинка счастливого билета?

Было видно, что глупый вид Игоря забавлял Ирину.

– Помнишь, мы с тобой ехали в троллейбусе? – продолжала она.

– Помню, – опять выдавил из себя ее собеседник.

– Тогда я купила билет, и он оказался счастливым.

Ирина достала из сумочки троллейбусный билет с цифрами 545 545.

– Предлагаю тебе его половинку, – продолжила она.

Игорь успел сбросить с себя оцепенение, прежде чем про-

изнес: «Не надо половинку, я хочу целиком».

– Уверен? Ты же любишь потом искать свою половинку.

– По-моему, я ее уже нашел.

Игорь взял руку Ирины и, улыбнувшись, спросил.

– Знаешь, как называют дежурных по роте на Новый год?

Дедами Морозами. Так что загадывай желание.

– Я уже загадала.

– И какое же?

– Прокатиться еще раз с тобой в троллейбусе.

Всего два новогодних желания

Чудеса на Новый год – дело обычное. Мы охотно вспоминаем истории, связанные с новогодними праздниками, которые так или иначе можно отнести к необыкновенным. Эти истории взрослеют вместе с нами. Одни из них перестают быть чудесными и переходят в разряд счастливых совпадений, другие прорастают крепкой живой охранный изгородью, за которую всегда хочется заглянуть. Словно горит там ясный огонь с пляшущими всполохами света и разливают нежное уютное тепло. Стоит только найти и открыть калитку, как сразу погружаешься в иной мир, откуда струится тонкая тропинка на изломе двух твоих миров: «до» и «после». Именно по ней чаще всего мы уверенно шагаем к своим чудесам.

Новый, 1971 год мне довелось встретить в клинике Ленинградского медицинского научно-исследовательского института по туберкулезным заболеваниям на Лиговском проспекте. Туберкулезом я заразился от своего дяди, брата отца. У него была открытая форма этого заболевания. Когда-то он, будучи агрономом, при освоении целины в казахстанских степях заболел пневмонией, переросшей в страшную болезнь. Ему за героический труд вручили Орден Трудового Красного Знамени, а туберкулез, в конце концов, в сорок шесть лет свел его в могилу.

Что касается меня, то три года врачи не могли выяснить, что со мной происходит. Проба манту постоянно была положительной (это означало, что туберкулезные палочки, возможно, уже начали свою разрушительную работу). У меня слабел иммунитет. Из-за болезней я месяцами пропускал учебу в школе. Бедная моя мама видела, что ее ребенок тает на глазах и ничего не могла сделать. К общей беде у меня активно начал развиваться рахит, я начинал быстро уставать и задыхаться даже от небольших физических нагрузок. Мы превратились в постоянных узнаваемых посетителей районного туберкулезного диспансера.

Трудно поверить, но в начале семидесятых годов прошлого века в Ленинграде не оказалось достаточно профессиональных врачей, которые могли бы правильно поставить мне диагноз. Очень хорошо запомнился тот день, когда за мной в школу прямо на урок прибежала запыхавшаяся медсестра с нашего участка. Она о чем-то пошептала с учительницей, и та мне сказала, чтобы я отправлялся в поликлинику в сопровождении нежданной гости. Как оказалось, нужно было срочно сдать анализы. Позже в поликлинику подошла мама. Ей рассказали, что из Москвы приехал знаменитый врач по исследованию туберкулезных заболеваний. Ему показали мою медицинскую книжку с исследованиями. После чего он сказал, чтобы меня срочно определяли в стационар и не куда-нибудь, а на Лиговку. Иначе «максимум через год меня потеряют». Так мне впоследствии рассказала моя

мать. Врачи почему-то избегали слова «умрет». Клиника на Лиговке сильно отличалась от всех больниц, где мне приходилось бывать. Нас в отделении было немногим более тридцати детей. Попасть туда считалось большой удачей. Позже я понял, что дело было не в удаче. Клиника на Лиговке принимала в основном безнадежных детей. Многим из них удаляли часть пораженного легкого, а затем они проходили курс интенсивной послеоперационной терапии, оставаясь, в лучшем случае, навсегда инвалидами. Ровный шрам на правой стороне груди, розовел чертовой отметкой как напоминание о том, что твои дни уже сочтены. Бывало и такое, что врачам удавалось обойтись без операции. За пять месяцев моего нахождения в клинике из отделения без хирургического вмешательства выписали четверых детей. Через два месяца все они вернулись обратно.

Я попал на Лиговку в конце октября 1970-го года в возрасте десяти лет. Врачам, медсестрам и нашим воспитателям, учителям удалось создать в отделении почти домашнюю обстановку. Два раза в неделю (субботу и воскресенье) нам разрешали свидания с родителями. Многие из них украдкой плакали. Время за процедурами и жестким распорядком дня летело незаметно. Новый, 1971-й год, приближался, волнуя нас ощущениями любимого праздника. Накануне 31 декабря лечащие врачи с дежурным воспитателем совершали обход. Мой лечащий врач Инна Александровна, женщина примерно сорока лет подарила мне значок и аль-

бом для рисования с цветными карандашами. Другим детям врачи тоже дарили подарки и желали быстрее выздороветь. Это была трогательная картина. Врачи заходили в ослепительно белых накрахмаленных халатах с сумками Дедов Морозов. Сначала они осматривали горло, руки, слушали легкие через фонендоскоп, делали пальпирование, спрашивались, не болит ли чего, измеряли температуру и затем говорили хорошие слова и вручали подарки. Инна Александровна считалась врачом строгим и требовательным. На ней всегда был надет идеально белый наглаженный халат и белая медицинская шапочка. Иногда мне казалось, что ее халат вот-вот переломится – до такой степени он был накрахмален и отутюжен. Поблескивая золотой оправой очков, она всегда говорила ровно, не повышая голоса. Глаза ее с легкой поволокой голубизны нельзя было назвать теплыми. От ее одежды шел едва уловимый запах мыла (врачи не пользовались духами, когда шли на осмотр. У некоторых детей, проходящих лечение, ароматный запах духов мог спровоцировать аллергию). Ее утренний осмотр 31 декабря 1970-го года, видимо, мало чем отличался от других подобных. Но именно после ее, в общем-то обыкновенных слов, произнесенных в тот день, многое изменилось в моей жизни. Эти слова я помню до сих пор. «Поверь мне, ты обязательно выздоровеешь. И запомни: будешь курить – умрешь». Мой лечащий врач произнесла эти слова по-особенному. Ее всегда холодные глаза словно потеплели. Она выдохнула их сердцем. Ве-

чером, когда мы собрались в столовой посмотреть по телевизору «Голубой огонек», наш воспитатель Валентина Сергеевна придумала игру. Она раздала нам по кусочку бумаги и попросила загадать и написать желание на Новый год и, перевязав их ленточкой, положила под елку. Потом она пыталась раскрыть наши новогодние «секреты». Валентина Сергеевна по-доброму шутила, или как сегодня говорят школьники «прикалывалась», не отгадав ничего из написанного. Когда очередь дошла до меня, она перестала шутить и, посмотрев мне в глаза, сказала «Твое желание сбудется. Ты выздоровеешь». Он неожиданности я покраснел и не нашелся, что ответить. Меня оглушил внутренний голос, слышно было, как толчками пульсирует кровь в голове: «Как она узнала?» Ничего в жизни мне не хотелось больше, чем выздороветь. Я мечтал стать нормальным ребенком, перестать читать жалость в глазах врачей, не видеть слез на глазах у родителей, избавиться от своей физической немощи – искривленной рахитом впалой грудной клетки и безобразной худобы. Увы, то, что я видел вокруг себя, не укрепляло мою веру, а скорее наоборот, подрывало ее. К сожалению, я не знал Бога, не умел молиться, и мне оставалось поверить всем своим незрелым сознанием, слабеющим сердцем и остатками душевных сил в то, что чудо возможно.

После Нового года мои дела пошли на поправку. Я это чувствовал. В апреле 1971 года меня отправили долечиваться на южный берег Крыма в санаторий «Москва». Год про-

летел незаметно. За это время, как и в клинике на Лиговке, мои сверстники выписывались и уезжали домой. Потом снова возвращались обратно, все до одного. Болезнь не отпускала и продолжала отнимать надежду на выздоровление. Но мне уже было понятно, ясно как день, когда меня выпишут – я не вернусь. Разумеется, все назначенные процедуры, и препараты я принимал неукоснительно, хорошо ел, исполнял все рекомендации врачей. Пытался стать сильным в меру своих физических кондиций. Однажды в начале лета к нам в санаторий устроился на работу инструктор по оздоровительной физкультуре. За свою одиннадцатилетнюю жизнь я не видел вблизи столь совершенного мужского тела с ярко выраженной рельефной мускулатурой. Он каждый день утром и вечером занимался на пляже специальной гимнастикой с пятью килограммовыми гантелями. Звали нашего нового сорокалетнего инструктора Виктор Николаевич. Все мальчишки заворожено смотрели на него. Нам он казался полубогом. Набравшись смелости в один из, уверен, прекрасных дней, я подошел к нему и попросил научить меня стать таким же сильным. Удивительно, но Виктор Николаевич согласился. Он подарил мне килограммовые гантели и с того времени каждый день в течение пяти месяцев проводил со мной занятия вечером, а рано утром я должен был проделывать те же упражнения самостоятельно. Мне бывало обидно, когда надо мной насмехались сверстники. Чаще всего они делали это зло. И после насмешек самолюбие еще долго саднило от

того, что эти обиды я не заслужил. Виктор Николаевич нашел нужные слова: «Не обращай внимания. Они тебе не чета. Верь в себя и все». Виктор Николаевич рассказал мне, что он был когда-то шахтером в Донецке. Заболел туберкулезом. Врачи сказали ему, что нужно менять климат, переезжать на южный берег Крыма. Что он и сделал. Начал заниматься дыхательной оздоровительной гимнастикой и выздоровел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.